

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ УНИВЕРСАЛИЯ: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ТИПОЛОГИЯ

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD), доцент кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Абдумуродов Мирвазир Гулямович

*студент 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена проблеме морфологической категории как одной из фундаментальных лингвистических универсалий. В работе рассматриваются критерии выделения морфологических категорий в разноструктурных языках, анализируется соотношение универсального и идиоэтнического в грамматическом строе. Особое внимание уделяется типологии морфологических категорий, включая категории числа, падежа, рода, временной отнесенности и вида. На материале языков различных систем демонстрируется, как одни и те же семантические области грамматизируются посредством различных формальных механизмов. В работе делается вывод о том, что морфологическая категория представляет собой сложный многомерный феномен, сочетающий в себе универсальные когнитивные основания и специфические формальные реализации, обусловленные структурным типом языка.

Ключевые Слова: морфологическая категория, лингвистическая универсалия, типология.

Представление о том, что все естественные человеческие языки разделяют некоторый набор фундаментальных свойств, составляет философскую основу лингвистического универсализма. Среди множества структурных измерений, в которых обнаруживается единство при видимом разнообразии, особое место занимает сфера морфологии — та область грамматического строя, которая ответственна за оформление грамматических значений в пределах слова. Вопрос о том, какие именно морфологические явления могут быть квалифицированы как универсальные, требует не только эмпирического обследования максимально широкого круга языков, но и разработки непротиворечивых критериев, позволяющих отличать универсальные категории от случайных сходств или вторичных типологических корреляций.

Обращение к истории вопроса показывает, что интерес к

универсальным свойствам языка далеко не всегда находился в центре лингвистических изысканий. Как отмечает один из ведущих специалистов в области типологии и теории универсалий, существуют два основных подхода к исследованию универсальных свойств языка — формальный и функционально-типологический.³ Первый, восходящий к генеративной традиции, постулирует существование универсальной грамматики как врожденной когнитивной структуры, предопределяющей возможные очертания любого человеческого языка. Второй, представленный в работах Дж. Гринберга и его последователей, исходит из эмпирического обследования максимального числа языков и выявления статистически значимых корреляций между различными параметрами языкового устройства. Именно второй подход оказался наиболее продуктивным для понимания природы морфологических категорий, поскольку он позволяет избежать опасности навязывания языкам категориальной сетки, выработанной на материале хорошо изученных индоевропейских языков.

Критерии выделения морфологической категории представляют собой сложный комплекс признаков, каждый из которых в отдельности не является ни достаточным, ни строго необходимым, но в совокупности они позволяют достаточно надежно идентифицировать данный феномен. Прежде всего, морфологическая категория предполагает наличие формально выраженной оппозиции между несколькими грамматическими значениями в рамках одного и того же класса слов. Эта оппозиция должна быть реализована в парадигматической системе, то есть изменение слова по данной категории должно приводить к образованию грамматических форм, противопоставленных друг другу в рамках единого функционального пространства. Так, например, противопоставление единственного и множественного числа в русском языке образует категорию числа, поскольку каждое имя существительное (за исключением слов *singularia tantum* и *pluralia tantum*) может принимать формы обоих чисел, и эти формы распределены по единой парадигме.

Важнейшим критерием морфологической категории является ее обязательный, или облигаторный, характер. Эта характеристика, неоднократно обсуждавшаяся в типологической литературе, означает, что для всех единиц определенного класса выбор одного из значений категории обязателен в любом контексте употребления. Так, в русском языке невозможно употребить существительное, не выразив при этом категорию числа, даже если для говорящего количество референтов нерелевантно или неопределенно. Аналогичным образом, во многих

³ Сепир, Э. (2001). Язык: Введение в изучение речи. В кн.: Сепир Э.

языках мира категория временной отнесенности делает обязательным указание на временной план действия относительно момента речи. Однако именно этот критерий выявляет существенные различия между языками: то, что в одном языке является облигаторной грамматической категорией, в другом может выражаться факультативно — лексическими средствами или контекстуально.

Проблема универсальности морфологических категорий осложняется тем обстоятельством, что далеко не все грамматические значения, которые кажутся нам естественными и необходимыми, действительно представлены во всех языках мира. Категория грамматического рода, хорошо знакомая носителям индоевропейских и семитских языков, полностью отсутствует в тюркских, финно-угорских и многих других языках. Категория падежа, столь важная для понимания синтаксической структуры русского или латинского предложения, практически не развита в аналитических языках, где грамматические отношения выражаются преимущественно порядком слов и предлогами. И даже категория числа, которая долгое время считалась едва ли не абсолютной универсалией, в некоторых языках представлена лишь в рудиментарной форме или вовсе отсутствует. Так, существует точка зрения, согласно которой в японском языке противопоставление единственного и множественного числа не грамматикализовано в полной мере, а использование показателей множественности факультативно и во многом определяется прагматическими факторами.

Сказанное подводит нас к необходимости различать два разных, хотя и взаимосвязанных, аспекта проблемы: универсальность семантических оппозиций и универсальность способов их формального выражения. Очевидно, что все человеческие языки располагают средствами для выражения количества объектов, временной отнесенности событий, ролевого участия участников ситуации и т.д. Однако далеко не всегда эти средства образуют морфологическую категорию в строгом смысле слова. Язык может выражать те же самые различия с помощью лексических единиц (отдельных слов, наречий, модальных частиц), синтаксических конструкций или просодических средств. Иными словами, универсальными являются скорее когнитивные категории — те базовые способы членения и концептуализации опыта, которые необходимы для функционирования языка как средства коммуникации. Морфологическая же категория представляет собой частный, хотя и типологически значимый, способ грамматикализации этих когнитивных различий.

В этой связи особую важность приобретает понятие грамматикализации — процесса, в ходе которого лексические единицы и

конструкции утрачивают свою семантическую конкретность и автономность, превращаясь в грамматические показатели с более абстрактным значением и более жесткими правилами употребления. Исследования в области грамматикализации, активно проводившиеся на протяжении последних десятилетий, позволили выявить определенные универсальные пути, по которым развиваются морфологические категории. Так, показатели множественного числа регулярно возникают из слов со значением ‘все’, ‘много’, ‘совокупность’; падежные показатели — из послелогов и предлогов, обозначающих пространственные отношения; временные показатели — из глаголов со значением быть, иметь, находиться.

Типология морфологических категорий традиционно строится на двух основаниях: содержательном (какие именно значения грамматикализованы в данном языке) и формальном (какими средствами выражаются грамматические оппозиции). Содержательная типология позволяет выделить категории, которые встречаются в языках мира с различной частотностью. Абсолютными универсалиями, то есть категориями, представленными, по-видимому, во всех языках, можно считать категорию лица (отражающую ролевое участие говорящего, адресата и третьих лиц в речевом акте) и категорию числа (хотя, как уже отмечалось, в некоторых языках она может быть факультативной). К числу высокочастотных, но не универсальных категорий относятся категория падежа (представленная примерно в половине языков мира), категория рода (характерная для индоевропейских, семитских и некоторых африканских языков), категория определенности/неопределенности (развитая в германских, романских и балканских языках).

Особого рассмотрения заслуживает категория временной отнесенности, которая в различных языках организована по-разному. В одних языках, например в английском или немецком, доминирующим является противопоставление форм настоящего и прошедшего времени, тогда как значение будущего времени выражается перифрастическими конструкциями и далеко не всегда образует единую парадигму с синтетическими временными формами. В других языках, таких как турецкий или узбекский, система времен является более разветвленной, включая специализированные показатели для выражения конкретных оттенков временной локализации — очевидного прошедшего, пересказывательного прошедшего, презумптивного будущего и т.д. В языках с богатой аспектуальной системой, к числу которых относится и русский язык, временная отнесенность тесно переплетается с видовыми

характеристиками глагола, что порождает сложные взаимодействия между категориями, известные в лингвистической литературе.

Категория вида (аспекта), возможно, представляет собой наиболее яркий пример того, как одна и та же когнитивная область может грамматикализироваться принципиально разными способами в разных языках. В русском языке видовая оппозиция совершенного и несовершенного вида является грамматической категорией, охватывающей всю глагольную лексику и реализуемой в парадигматических отношениях между глагольными парами. В германских языках аспектуальные различия выражаются преимущественно аналитическими конструкциями — так называемыми прогрессивными формами, которые противопоставляются нейтральной форме настоящего времени. В романских языках наблюдается синтез обоих подходов: наряду с синтетическими формами имперфекта, выражающими неограниченную длительность в прошлом, существуют аналитические конструкции для выражения прогрессивного значения. В языках Юго-Восточной Азии, относящихся к изолирующему типу, аспектуальные значения передаются с помощью частиц, занимающих определенную позицию в глагольной группе, и при этом не происходит никакого изменения формы самого глагола.

Формальная типология морфологических категорий тесно связана с более общими типологическими характеристиками языка, известными как морфологическая классификация языков.⁴ В рамках этой классификации выделяются несколько основных типов: изолирующие (или аморфные) языки, в которых грамматические значения выражаются преимущественно порядком слов и служебными частицами, а морфологические категории практически не представлены; агглютинативные языки, отличающиеся четким членением грамматических показателей, каждый из которых несет одно значение; флективные (или фузионные) языки, для которых характерна слитность морфем, когда один показатель может одновременно выражать несколько грамматических значений; полисинтетические (или инкорпорирующие) языки, в которых грамматические показатели могут объединяться в единый комплекс с несколькими лексическими корнями.

Следует подчеркнуть, что приведенная классификация, восходящая к работам братьев Шлегелей, В. фон Гумбольдта и А. Шлейхера, не является абсолютной: в чистом виде каждый из типов представлен относительно редко, а большинство языков сочетает в себе черты разных

⁴ 4. Сепир, Э. (2001). Язык: Введение в изучение речи. В кн.: Сепир Э.

типов в различных пропорциях. Тем не менее эта классификация сохраняет эвристическую ценность как инструмент, позволяющий систематизировать наблюдаемое разнообразие и выявлять корреляции между различными параметрами морфологического устройства.

Взаимосвязь между морфологическим типом языка и набором представленных в нем грамматических категорий является сложной и неоднозначной. Кажется интуитивно правдоподобным, что в изолирующих языках, где слова в максимальной степени инвариантны, а грамматические значения выражаются отдельными служебными элементами, число морфологических категорий должно быть минимальным. И действительно, классический китайский язык (вэньянь) и современные языки Юго-Восточной Азии, такие как вьетнамский или тайский, демонстрируют очень ограниченный набор грамматических категорий, выраженных в морфологии слова. Однако было бы ошибкой заключать на этом основании, что в этих языках грамматические значения вообще не выражаются — они выражаются, но иными средствами. Порядок слов в изолирующих языках, как правило, фиксирован и несет значительную грамматическую нагрузку; служебные слова образуют разветвленные системы с четким функциональным распределением; наконец, словообразование, включая сложение корней, может быть развито в высокой степени.

В противоположность этому, флективные языки, такие как русский, латинский или арабский, характеризуются богатой системой словоизменительных категорий. В русском языке имя существительное изменяется по падежам и числам, имя прилагательное согласуется с существительным в роде, числе и падеже, глагол имеет категории лица, числа, времени, наклонения, вида и залога. Более того, грамматические значения в флективных языках часто выражаются кумулятивно, то есть один аффикс передает одновременно несколько грамматических значений. Так, русское окончание -у в словоформе 'столу' одновременно указывает на дательный падеж, единственное число и мужской род — три различных грамматических значения, выраженные одним показателем. Эта кумуляция, или синкретизм, является типологической чертой флективных языков и создает значительные сложности при анализе их грамматической структуры.

Агглютинативные языки, к числу которых относятся тюркские, финно-угорские, монгольские и многие другие языки, занимают промежуточное положение между изолирующими и флективными. В этих языках слово может быть довольно сложным по морфемному составу, однако каждый аффикс, как правило, несет одно грамматическое значение,

и эти аффиксы присоединяются к основе в строго определенном порядке. Характерной чертой агглютинативных языков является отсутствие морфонологических изменений на стыках морфем: основа остается неизменной при присоединении различных показателей, а границы между морфемами прозрачны и однозначно идентифицируемы. Например, в турецком языке показатель множественного числа *-lar/-ler* и показатель принадлежности первого лица единственного числа *-im* четко отделены друг от друга и от корня: *ev-ler-im* — мои дома. В русском флективном языке аналогичная последовательность грамматических значений была бы выражена кумулятивным окончанием, не поддающимся однозначному членению.

Полисинтетические языки представляют собой наиболее сложный и одновременно наименее изученный тип морфологической организации. В этих языках, распространенных преимущественно в Северной Америке, Сибири и на Кавказе, глагольная словоформа может включать в себя показатели, соответствующие не только субъекту и объекту действия, но и его обстоятельственной характеристике, и даже лексические корни, которые в других языках выступают как самостоятельные слова.⁵ Классическим примером является чукотский язык, где в составе глагольного комплекса могут объединяться корни существительных, прилагательных и наречий. В результате одна глагольная словоформа в полисинтетическом языке может соответствовать целому предложению в языке флективного или изолирующего типа. Сложность анализа полисинтетических языков заключается в необходимости проводить границу между словообразованием и синтаксисом — границу, которая во многих из этих языков является размытой и проблематичной.

Важнейшей теоретической проблемой, связанной с изучением морфологических категорий, является проблема частей речи. Категоризация лексики по грамматическим классам является универсальным свойством человеческого языка, однако конкретный набор частей речи и критерии их выделения существенно варьируются от языка к языку. Традиционное выделение имени существительного, имени прилагательного и глагола как универсальных частей речи было подвергнуто критике в типологической литературе, показавшей, что многие языки не проводят четкой границы между прилагательными и глаголами или между существительными и прилагательными. В языках с «глагольно-прилагательной» типологией, к числу которых относится, в частности, японский, прилагательные обладают глагольным

⁵ Плунгян, В. А. (2011).

словоизменением и могут выполнять предикативную функцию без связки.

Эта проблема напрямую связана с вопросом о том, какие именно части речи служат базой для морфологических категорий. В индоевропейских языках категории падежа и числа свойственны прежде всего имени существительному, тогда как категории лица и времени — глаголу. Однако существуют языки, в которых падежное маркирование распространяется и на глагольные формы (так называемые конвербы или глагольные имена), а категория времени может быть выражена в именной системе (именные времена в некоторых африканских языках). Эти данные свидетельствуют о том, что соответствие между определенными категориями и определенными частями речи не является универсальным, а представляет собой типологический параметр, варьирующийся в зависимости от структурных характеристик языка.

Особое место в типологии морфологических категорий занимают так называемые имплицативные универсалии, свидетельствующие о наличии определенных иерархических отношений между грамматическими значениями. Классическим примером такого рода является иерархия падежей, впервые описанная в типологической литературе: если в языке имеется падеж с определенной семантической ролью, то в нем, как правило, представлены и все падежи, стоящие на более высоких ступенях иерархии. Аналогичные иерархии существуют и в области других морфологических категорий. Так, по данным, приведенным в типологических исследованиях, если в языке есть двойственное число, то в нем обязательно есть и множественное.⁶ Если в глагольной системе представлена форма имперфекта, то, как правило, имеется и форма общего прошедшего времени. Эти имплицативные отношения отражают внутреннюю логику грамматических систем: категории не возникают случайным образом, но развиваются по определенным закономерностям, связанным с относительной когнитивной базовностью тех или иных различий.

В последние десятилетия в лингвистике набирает силу антропоцентрическая парадигма, согласно которой устройство языка не может быть понято вне связи с человеческим фактором — особенностями восприятия, категоризации и коммуникативного взаимодействия. В рамках этого подхода был предложен новый взгляд на морфологические категории не как на абстрактные формальные схемы, но как на структуры, глубоко мотивированные когнитивными и культурными особенностями

⁶ Spencer, A., Mairal, R., & Gil, J. (2010). Morphological Universals. In *Linguistic Universals* (pp. 101-126). Cambridge University Press.

языкового коллектива. Исследования в духе этнолингвистики и лингвокультурологии демонстрируют, что набор обязательных грамматических категорий в языке не случаен: он отражает те аспекты опыта, которые в данной культуре признаются наиболее релевантными для повседневного взаимодействия. Так, в языках охотников и собирателей часто развиты категории, связанные с пространственной ориентацией и маршрутами передвижения; в языках земледельческих обществ важное место занимают категории, связанные с количеством и исчисляемостью объектов.

Эти наблюдения имеют принципиальное значение для понимания природы морфологических универсалий. В отличие от абсолютных универсалий, считающихся врожденными свойствами языка как такового, подобные статистически значимые корреляции между культурными особенностями и грамматическим строем указывают на более сложную, взаимно обусловленную связь между языком и социальной практикой. Язык не является пассивным отражением культуры, но активным инструментом ее воспроизводства и трансформации. Морфологические категории, обязывая говорящего каждый раз принимать решение о выборе определенного грамматического значения, формируют привычные способы восприятия и структурирования действительности. Носитель языка, в котором существует облигаторная категория вежливости, вынужден постоянно оценивать социальный статус собеседника и соответствующим образом оформлять свое высказывание; носитель языка с развитой эвиденциальной системой не может описать событие, не указав источник своей информации.

Такое понимание морфологической категории как когнитивно-коммуникативного феномена, объединяющего универсальные механизмы человеческого познания с культурно-специфическими аспектами социального взаимодействия, позволяет преодолеть ограниченность как строго формальных, так и узко функциональных подходов. Морфологическая категория не является ни самодовлеющей формальной структурой, существующей по собственным внутренним законам и не зависящей от семантики и прагматики, ни простым внешним ярлыком, навешиваемым на заранее существующие семантические различия. Она представляет собой динамическое единство формы и содержания, где форма смысла направляет восприятие формы, а выбор формы сигнализирует о коммуникативном контексте.

Вопрос об универсальности морфологических категорий, таким образом, не может быть сведен к простому перечислению грамматических значений, обязательно представленных во всех языках. Такой перечень,

вероятно, был бы крайне коротким и состоял бы из наиболее фундаментальных когнитивных противопоставлений, таких как различие говорящего и слушающего, единичности и множественности, реальности и ирреальности действия. Однако за этим минимальным инвентарем скрывается богатство вариантов — способов, которыми разные языки грамматикализуют одни и те же семантические области, сочетая их друг с другом и распределяя по разным частям речи и разным типам морфологических структур.²⁷

Подводя итог, следует подчеркнуть, что понятие морфологической категории сохраняет свою продуктивность как инструмент сравнительного изучения языков именно благодаря своей двойственной природе. С одной стороны, оно опирается на универсальное предположение о том, что все языки имеют грамматику, а грамматика включает систему формально выраженных оппозиций, охватывающих определенные классы слов. С другой стороны, конкретное наполнение этой системы — какие именно оппозиции выбирает данный язык, как они формально выражаются и как взаимодействуют друг с другом — составляет предмет типологического разнообразия. Изучение этого разнообразия, его пределов и закономерностей, и является конечной целью морфологической типологии как раздела лингвистического знания.

Достижения последних десятилетий в области языковой типологии и теории универсалий позволяют сформулировать ряд принципов, которыми следует руководствоваться при описании и сравнении морфологических категорий. Необходимо различать категории, присущие различным частям речи, учитывая, что именные и глагольные категории подчиняются разным типологическим закономерностям и имеют разные онтологические основания. Следует учитывать степень облигаторности категории, а также то, насколько последовательно она проводится в системе. Важно анализировать взаимодействие различных категорий в рамках одной словоформы, поскольку именно в этих взаимодействиях часто проявляются наиболее существенные структурные характеристики языка.

Перспективы дальнейших исследований в этой области связаны с расширением эмпирической базы — анализом языков, до сих пор недостаточно изученных с типологической точки зрения, а также с разработкой формальных моделей, способных адекватно описывать как универсальные свойства морфологических систем, так и их

2. Мавлянова Тамилла Бахриллоевна, Художественное изображение народа и любви как отражение рая в газелях Хафиза Ширази. <https://conferns.com/index.php/DTS/article/view/124>

типологическую вариативность. Не менее важным представляется и интеграция типологических данных с результатами исследований в области психолингвистики и нейролингвистики, позволяющими понять, какие когнитивные механизмы лежат в основе грамматической категоризации и как морфологические категории реально функционируют в процессах порождения и восприятия речи. Именно на пересечении этих дисциплин — лингвистики, психологии и нейронауки — могут быть получены наиболее убедительные ответы на вопрос о том, почему человеческие языки, при всем их внешнем разнообразии, обнаруживают столь глубокое структурное единообразие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Comrie, B. (1989). *Language Universals and Linguistic Typology: Syntax and Morphology* (2nd ed.). University of Chicago Press.
2. Лазарев, В. А. (2009). Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Издательство Южного федерального университета.
3. Spencer, A., Mairal, R., & Gil, J. (2010). *Morphological Universals*. In *Linguistic Universals* (pp. 101-126). Cambridge University Press.
4. Сепир, Э. (2001). Язык: Введение в изучение речи. В кн.: Сепир Э.
5. Плунгян, В. А. (2011). Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. РГГУ.
6. Haspelmath, M. (2010). *Comparative Concepts and Descriptive Categories in Cross-linguistic Research*. *Language*, 86(3), 663-687.